

90-3
5013_a

**ЕЛИЗАВЕТА
ДРАБКИНА**

ЗИМНИЙ ПЕРЕВАЛ

Издание второе,
дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ОБ АВТОРЕ И ЭТОЙ КНИГЕ

Летом 1918 года в сражавшемся с белочехами отряде, сформированном из молодых коммунистов и комсомольцев-москвичей, ходила по рукам брошюра — тезисы Маркса о Фейербахе. Ее зачитывали до дыр, заучивали наизусть... В обстановке фронтовых будней, где великое и низкое, трагическое и обыденное тесно сплетались между собой, «высокий слог» Маркса звучал как-то по-особому значительно.

Боец Елизавета Драбкина вступила в большевистскую партию в апреле 1917-го шестнадцати лет от роду. И когда однажды она рассказала командиру отряда Ивану Кудряшову свою биографию, тот задумчиво, как глубоко осознанное и пережитое, процитировал Маркса по памяти: человеческая сущность не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений...

Об этом эпизоде Драбкина вспомнила в книге «Черные сухари».

И в самом деле, родись она в другой семье, а не в семье профессионального революционера-большевика Сергея Гусева, кочевавшего по тюрьмам, ссылкам и эмиграции, а главное — появившись она на свет в другое время, то и жизнь наверняка сложилась бы по-иному. Впрочем, и она была бы уже не она, а кто-то другой, какой-то совсем иной «индивидуум».

А так... Она активно участвовала в Октябрьской революции 1917 года в Петрограде и в Ноябрьской

революции 1918 года в Германии. Сражалась пулеметчицей на фронтах гражданской войны. Штурмовала Кронштадт в 1921-м. «Мне выпало счастье,— писала Драбкина,— быть свидетельницей событий необыкновенных. Я знала людей, чьи имена и деяния навеки вошли в историю человечества».

Когда она была совсем маленькой, с ней играла Роза Люксембург и «сам» Карл Каутский гладил ее по головке. А потом...

Не раз бывала она в гостях и беседовала с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Работала секретарем у Якова Свердлова. Встречалась с Феликсом Дзержинским, Анатолием Луначарским, Александром Цюрупой, Александрой Коллонтай... Даже «Реквием» Моцарта она слушала в 1922 году вместе с Георгием Чичериным и Михаилом Тухачевским. Да знакомства хотя бы с одним из этих людей вполне хватило бы другому, чтобы писать об этом всю жизнь.

Это были поистине удивительные люди. «История давно уже показывала,— говорил Ленин,— что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными». Так было и в России. И не случайно острый на глаз американец полковник Раймонд Робинс, находившийся в Петрограде в самой гуще революционных событий, записал в своих мемуарах, что Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — «по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

Мы много писали о революционной работе и политической деятельности этого поколения революционеров. И гораздо меньше — о их нравственном облике. А ведь одно от другого неотделимо. XXVII съезд КПСС напомнил всем нам о том, что коммунисты должны быть не только политическим, но и моральным авангардом народа, то есть напомнил ту ленинскую мысль, что партия — это не только ум, но и честь, совесть эпохи. И с одним умом, в котором вряд ли

откажешь и нашим противникам, с одним умом — без чести и совести — партия никогда бы не смогла, как выразился Ленин, «убедить Россию».

Еще в юности Владимиру Ильичу глубоко запали в душу слова Чернышевского о том, что в России «всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером». И, действительно, порядочные люди шли в революцию не ради славы или карьеры, а потому, что чужая боль воспринималась ими как боль собственная. Они и вступали на тернистый путь борьбы именно для того, чтобы избавить людей от этой боли.

Освобождение угнетенных и обездоленных, слабых и униженных составляло нравственную суть российской революционной традиции. «Это — великое дело, — писал Ленин, — и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать».

Марксизм, для которого человек является не средством, а единственно достойной целью борьбы, лишь упрочил эту традицию, создав те высочайшие морально-этические нормы, которые проявляли себя и в выборе методов борьбы, и в нравственном облике самих пролетарских революционеров. На этой традиции воспитывались и новые поколения борцов.

Проходили годы, и партия, считавшая ранее свои ряды на тысячи и десятки тысяч, стала насчитывать уже сотни и сотни тысяч. В дни Февральской революции 1917 года из подполья вышло 24 тысячи большевиков. К Октябрю их было около 350 тысяч. К 1920 году — около 612 тысяч, к 1921-му — свыше 732 тысяч, а к 1925-му — более 800 тысяч. Теперь, пожалуй, и Елизавету Драбкину с ее дооктябрьским стажем вполне можно было относить к «старым большевикам».

Но было в этом стремительном росте и то, что напоминало Владимира Ильича.

В 1922 году Ленин писал: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в

настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».

Да, тонок был этот слой. И его «безраздельный авторитет» опирался не на занимаемые посты, а на признававшуюся всеми идейную, политическую, нравственную прочность и чистоту. Они и занимали-то свои посты именно в силу этого авторитета. Вот в чем заключалась сила влияния «старой партийной гвардии». Она определяла общую атмосферу, существовавшую в партии, точнее, те моральные устои, которые создавали эту атмосферу.

Это не была мораль религиозной секты или монашеского ордена, отделяющая «посвященных» от прочей «греховной черни». Это была глубоко народная, по сути своей, нравственная традиция, воспринимавшаяся массами не только как справедливая, но и как единственно возможная для коммуниста норма поведения.

В этой книге Драбкина приводит малоизвестное письмо Н. К. Крупской старому русскому педагогу и писателю И. И. Горбунову-Посадову, написанное в конце 1917 года: «...теперь, когда живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь при тайне одухотворения, очеловечения жизни масс. И мне ужасно жаль, что нет художника настоящего, который мог бы в художественном произведении отразить этот процесс».

Эта народная масса, поднимавшаяся и «одухотворявшаяся» революцией, предъявляла высочайшие требования и к самим революционерам. Им, взвалившим на себя гигантский груз исторической ответственности, не прощали ни слабости, ни корысти. И партия стремилась не обмануть этих надежд и ожиданий.

Было, конечно, немало мерзавцев и мздоимцев, подлецов и бюрократов — иначе откуда появились бы у Ленина «комчванство» или «комсволочь», — но не они определяли облик партии. Новые поколения коммуни-

стов, вступая в ее ряды, стремились к тому, чтобы нравственная максима «старой гвардии» стала нормой и их поведения.

Лишь один эпизод из этой книги...

Зимой 1921/22 года, когда после засухи в Поволжье начался страшный голод, Елизавета Драбкина получила из Самарской губернии послание. Писал Флегонтыч — красноармеец, бывший у нее ездовым при штурме Кронштадта. В своем прощальном письме он рассказывал, что семья его уже «ушла в смертную дорогу», что близок и его час, но, «как коммунист, он не позволяет себе слечь, а работает и будет работать до последнего...».

Собрав все, что было, она бросилась туда — в самое пекло...

И вот в деревне Таволожка, что недалеко от города Пугачева, она увидела человека, который брел посреди улицы...

Его желто-серое лицо, будто налитое водой, было сглажено сплошным отеком в тугую, плоскую маску. Он шел негнушными ногами и качался словно колос на ветру. Но оставалось в его шатающемся теле что-то от воинской выправки — быть может, прямизна спины, быть может, руки, слабо взмахивавшие в такт шагу...

Он роздал по деревне все, что ему привезли, но не уехал: «Разве ж я могу своих односельчан бросить? Ведь я ж один на наше село живой коммунист остался».

Не уехал и... умер.

Он поступил так, потому что был истинным коммунистом. И хотя партстаж его был невелик — всем своим нравственным обликом Флегонтыч становился в один ряд с бойцами старой ленинской гвардии.

Как же надо было беречь эту гвардию... Продолжая мысль о том, что именно этот «тончайший слой» определяет пролетарскую политику партии, Ленин писал: «Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком

случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Как же надо было беречь этих, да и не только этих, людей...

Но и они не берегли себя, и сама жизнь не щадила их. Не пощадила она и Елизавету Драбкину.

В 1932 году она выпустила первую свою книгу-роман «Отечество». Голова ее была полна самыми различными планами, надеждами... Но следующая книга Драбкиной — «Черные сухари» стала печататься лишь через 25 лет, уже после XX съезда партии. А в промежутке — арест, ссылка... И если уж было в нашей истории, как теперь говорят, «и то и другое», то она сполна хлебнула и «того» и «другого».

Помню, как в середине 50-х годов они возвращались из ссылки... Пожалуй, более всего поражала их несломленность, нерастраченность того идейного, нравственного, эмоционального заряда, который дала этому поколению революция. Лучший тому пример — Елизавета Драбкина, автор этой книги.

Вернувшись, она не стала писать романов. Теперь она рассказывала читателям о Ленине, о своей молодости, о тех замечательных людях, с которыми ей довелось встречаться в те далекие и легендарные революционные годы. Ее «Черные сухари» стали печататься в 1957 году и сразу же нашли свою благодарную аудиторию.

В 1968 году «Новый мир» начал публикацию первой части «Зимнего перевала». Была написана и вторая часть. Но наступило уже другое время...

Нашлись горе-специалисты, которым медведь наступил не только на ухо. Музыка революции — живая, яркая, наполненная интереснейшими людьми история — никак не укладывалась в их сухие, безжизненные и безлюдные схемы. И к общему стыду нашему, усилия этих «специалистов» увенчались успехом. Публикация «Зимнего перевала» была прекращена. Потребовалось еще почти 20 лет, чтобы книга увидела свет. Отрадно,

что предлагаемое читателю второе издание значительно пополнилось за счет новых материалов, обнаруженных Политиздатом в личном архиве Е. Я. Драбкиной. Это главы «На кронштадтском льду» и «Путешествие в нэп», неизвестные страницы о жизни В. И. Ленина и его окружения. Новые материалы заметно обогатили книгу, полнее раскрыли благородный замысел автора.

Трудно определить жанр этой книги. Это не «чистые» мемуары, ибо Елизавета Драбкина пишет не только как очевидец, но и как художник. Пишет не только о том, что происходило с ней и чему она была свидетелем. Но и о том, чего сама не видела, что происходило без нее.

Конечно, в центре этой книги — Ленин. Драбкина рассказывает о нем и его делах с той удивительной человеческой нежностью, с которой относились к нему соратники и товарищи по борьбе, широчайшие массы трудового народа. Она вновь и вновь перечитывает и вдумывается в его последние работы, приводит воспоминания современников, прессу и документы тех лет. Но все это Драбкина как бы пропускает через свою память и свое восприятие того удивительного времени, которое навсегда осталось для нее временем и ее юности и молодости нашей республики.

Может быть, именно такое «личное» восприятие и создает тот особый аромат эпохи, то общее ощущение правды, которое возникает при чтении «Зимнего перевала». И дорогого стоят слова Елизаветы Драбкиной, когда, пройдя через все испытания, она пишет в этой книге о том времени: «Жизнь, как всегда, шла в сталкивающихся и набегающих друг на друга противоречиях. Но над всем этим господствовала та глубокая уверенность в будущем, которая составляет один из важнейших компонентов человеческого счастья».

Эта книга — своего рода эстафета от того поколения «старой партийной гвардии»... Эстафета нам, продолжающим дело Великого Октября сегодня.

Впрочем, сегодня в адрес именно этого поколения

раздаются порой упреки в «нетерпимости», «фанатизме», «излишней жестокости»...

Недостаток многих наших сегодняшних споров зачастую состоит в том, что мы высокомерно или с состраданием взираем на прошлое и расставляем отметки за поведение имея багаж опыта, знаний и представлений дня нынешнего. А может быть, стоит перед тем как судить, а тем более — осуждать, попытаться взглянуть на это прошлое глазами его современников, понять те конкретные и реальные условия, которые составляли самое существо того времени...

Когда Лев Толстой выступил со своей знаменитой статьей «Не убий никого», Г. В. Плеханов ответил ему: «Эта мысль, — представляющая собой, по выражению гр. Л. Н. Толстого, подтверждение, а по-моему, самое простое повторение весьма древнего «закона», — сама по себе совершенно правильна. Но эта сама по себе совершенно правильная и очень, очень древняя мысль до сих пор еще везде далека от своего осуществления, — и особенно далека она от него в России... Стало быть, вопрос не в том, правильна ли сама по себе эта очень, очень древняя мысль, а в том, где лежат препятствия, мешающие ее осуществлению, и какими средствами могут быть устранены эти препятствия?» Иными словами, когда речь идет о жестокости и насилии, надо каждый раз не только «судить», но и анализировать конкретные обстоятельства, породившие их.

Многие революции проходили через полосу кровавого насилия и гражданской войны, когда в сознании людей мир раскалывался надвое и через человеческое сообщество проходила линия баррикад, делившая всех на красных и белых, «своих» и «чужих».

Елизавета Драбкина без колебаний сделала свой выбор. Но важно понять, что при такой жестокой дифференциации личный выбор вообще крайне ограничен. Вам могут не нравиться чем-то ни те, ни другие. Однако линия баррикад ликвидирует какое-то иное — «третье пространство» и вы вынуждены встать либо по ту, либо

по эту сторону. И история гражданских войн не только в России, но и во многих других странах изобилует духовными, человеческими, политическими драмами и трагедиями, возникавшими в силу такого рода ситуаций.

Именно такой трагедией обернулась гражданская война для многих субъективно честных людей, оказавшихся «по ту сторону», как обернулся трагедией и столь ярко описанный Драпкиной Кронштадтский мятеж, объективно отбрасывавший его участников, независимо от их личных намерений и побуждений, в лагерь контрреволюции.

Важно наконец понять и то, что причины такого рода жестокой конфронтации крылись не в «фанатизме» тех или иных учений или политических деятелей, а в реальной многовековой борьбе богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. «Каждая ранняя и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицей, и тогда горе побежденным...» Это написал совсем молодой Лермонтов задолго до 1917 года.

Да, революция — это тот предел, когда кончается терпение и покорность угнетенного человека, не желающего более мириться с рабством и нечеловеческим существованием. Ну а когда угнетатели не хотят мирно расстаться с властью и своими привилегиями, вот тогда и начинается гражданская война. «Самая борьба с эксплуататорами,— говорил Ленин,— взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: «Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира,— переворот принял бы более мирные формы».

А война есть война. Она бесчеловечна, ибо на ней людей убивают. У нее своя логика и свои законы. Ее нельзя ни поэтизировать, ни романтизировать, ибо всякое насилие над человеком есть зло.

Когда в конце 1918 года Ф. Э. Дзержинский составлял инструкцию об арестах врагов революции, он написал: «Лишение свободы повинных людей есть зло, к которому в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло...» Это было написано не в «философских тетрадах» и не в письмах к жене, а в служебной инструкции.

Как-то в разговоре с Горьким Ленин сказал ему: «Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправданна. Все будет понято, все».

«Все будет понято...»

Драбкина рассказывает, как однажды, когда Ленин был еще вполне здоров, веселая стайка молодежи встретила его на одной из кремлевских площадей. И в конце недолгого разговора, глядя с какой-то внутренней теплотой на возбужденные и радостные лица комсомольцев, Владимир Ильич напомнил им слова Гёте: «Достигни сам того, что ты унаследовал от своих отцов. Только тогда оно будет твоим».

Доктор исторических наук
В. Логинов

СОДЕРЖАНИЕ

Сентябрь — октябрь	13
Зимний перевал .	43
На кронштадтском льду .	77
В марте двадцать первого .	133
Путешествие в нэп .	147
Черная година .	173
Всерьез и надолго .	191
Раздумья в Горках .	245
«Weiter... Weiter...» .	293
Об авторе и этой книге .	386